

По рассказам, ни на одной тренировке не набрать реальный боевой опыт. И хотя в этом есть своя доля правды, отряд, который участвует исключительно в настоящих сражениях, в долгосрочной перспективе обязательно столкнется с нехваткой эффективности. Солдат не может демонстрировать полноту своих навыков на поле боя без практики. Надлежащее образование и тренировки необходимы для успеха — как в плане индивидуальных умений, так и общих тактик отряда.

И потому ударная группа «восемьдесят шесть» пребывала на тренировочной площадке Оружейной базы. Зоны для маневров строились с учетом точного представления западного фронта Союза; здесь смешивались лесные массивы и городские районы. Лесистая местность представляла собой разбитый на сектора существующий лес. Городские зоны же возвели на свободном от деревьев участке — их спроектировали по образу военной цитадели бывшей Империи.

В одной из секций площадки для маневров недавно соорудили сооружение из металлических лесов, что повторяло следующее поле боя для 1-й бронетанковой дивизии ударной группы. Ширины металлических балок вполне хватало, чтобы поддерживать размер и вес Джаггернаута. Их установили по упорядоченным геометрическим шаблонам.

Две многоногие бронетанковые машины резво ринулись пересекать эту сетку из вертикальных и горизонтальных балок. Персональная метка первой обозначала безголового скелета с лопатой наперевес, а второй — два пересекающихся мушкета: Могильщик Шина и Анна Мария Оливии соответственно. Оливия из Альянса Вальде присоединился к ударной группе в роли инструктора по подготовке.

Оба боролись за выгодные позиции и сбивали друг друга с ног всякий раз, как кто-либо из них получал преимущество. В этой головокружительной, стремительной битве каждый пытался выжать из своего агрегата — те специально были спроектированы для высокоманевренных сражений — предел возможностей.

Сама баталия представляла собой инсценировку, и в ней Оливия считался гипотетическим противником. Типичная кабина фердреса ставила в приоритет комфорту выживаемость, из-за чего внутри было довольно тесно. Но в Штолленвурм эта черта проявлялась особенно. Личные экзоскелеты занимали львиную долю и так тесного пространства. В кабине не оставалось места для оптических экранов, и потому нужная информация выводилась напрямую на сетчатку пилота.

Оливия, однако, наседали на Могильщика скорее не зрением как таковым, а видением будущего.

Видение будущего. Без королевского двора, который бы объединил гористую местность, и с дворянами на небольших территориях, неспособных сохранить чистоту родословной, в Альянсе Вальде лишь одна семья сохранила экстрасенсорные способности.

Оливия мог видеть свое непосредственное будущее через три секунды. Границы силы зависели

от явления в грядущем, но способность позволяла расширить рамки на несколько десятков метров. Само предвидение работало только при активном использовании дара — его семья описывает этот процесс как открытие глаз, — и не действует само по себе при возникновении угрозы владельцу.

Следующую истину Оливия не мог свободно распространять вне семьи, но его экстрасенсорная способность была не столь полезна, как следовало бы ожидать. Из-за того, что постоянное использование сильно его истощает, он не может «держать глаза открытыми» всю операцию.

Но даже с учетом этого недостатка Оливия редко нес потери — что против человека, что против Легиона. Или так он, по крайней мере, думал. Предвидение в три секунды... Знание о том, что противник сделает в следующие три секунды, дает невероятное тактическое преимущество.

Но Шин компенсировал это своей бессознательной дальновидностью, полученной им благодаря обширному боевому опыту и сверхчеловеческой реакции. Он словно ощущал кровь еще до того, как та проливалась. Он обладал непостижимой интуицией, своего рода рабочим шестым чувством.

На Оливию опускался удар. Поскольку бой велся в рамках тренировки, вибрация высокочастотного лезвия была неактивна, но будь это настоящее сражение, Оливии никак не удалось бы заблокировать его. Но сейчас он отразил летящее лезвие горизонтальным размахом неактивной высокочастотной пики. Он не мог позволить «закрыть глаза». Без постоянной информации о будущем он не ровня Шину.

Шин, используя импульс от отраженной атаки, изменил траекторию лезвия для диагонального удара. Он заметил намерение Анны Марии отпрыгнуть, потому послал команду агрегату сделать дополнительный шаг передней правой ногой, увеличив радиус атаки.

Оливия тут же отменил прыжок назад, который на самом деле был блефом, и уклонился от удара, сместившись в сторону. Могильщик использовал ноги за ось и развернулся, увеличив длину горизонтального замаха. Все совершенные движения отзывались натужным скрежетом даже в Регинлейве, созданном специально для высокой маневренности. Хотя навыки Шина позволяли ему исполнять эти выкрутасы.

Однако...

Они столкнулись десятки раз и стояли так близко, что чувствовали дыхание своего соперника. Находясь в состоянии повышенной концентрации долгое время, когда несколько ухудшается чувство восприятия времени, Могильщик сдал первым. Всего один миг, чтобы наполнить легкие свежим воздухом.

Оливия только этого и ждал.

Анна Мария сорвалась с места и протаранила Могильщика с близкого расстояния. Оба начали стремительно падать вниз между балок лесов. Шин достиг восемнадцатилетия — он все еще считался подростком, пусть возраст подходил к концу этого периода. Его тело еще не стало окончательно зрелым. С точки зрения физической силы и выносливости, уже взрослый Оливия превосходил его.

Два агрегата свалились с одной высоты, их конечности спутались между собой. Они упали на землю подобно двум сцепившимся животным. Оливия играл роль гипотетического врага, и потому не был соединен с Шином посредством радиосвязи или парарейда. Но от удара воздух выбило из обоих пилотов, а Шин напрягся от боли.

Однако через мгновение длинная нога замахнулась для удара по противнику, что побудило Анну Марию уклониться прыжком. Каждая нога Регинлейва оснащалась дополнительным вооружением в виде копров. Оливия посчитал, что прямое попадание этой штукой по кабине наверняка выведет его из строя.

Могильщик на четырех ногах отпрыгнул. Шин, вероятно, хотел создать дистанцию между собой и Оливией, ведь повреждения от падения так повлияли на Регинлейв; он предпочел сражаться издалека 88-мм пушкой. Только вот...

— ...Не позволю.

Движения Шина замедлились. В конце концов, повреждения сказались на скорости. Прыжок вышел вялым, без должного уровня навыка и резвости Шина. Оливия легко уловил это.

Пуск.

105-мм пушка Анны Марии взревела подобно зверю, выпустив невидимый лазер. Опять же, из-за тренировочного процесса выстрел пушки представлял собой лазер для воздушного и артиллерийского опознавания, однако дульная вспышка и рев выстрела симулировали настоящий залп из пушки. Воспламенение закрыло поле зрения Анны Марии, тогда как грохот выстрела поглотил шум двигателя вражеского агрегата.

Оливия обратил внимание на экран радара и заметил на ней не исчезнувшую метку Могильщика. По-видимому, выстрел задел только ногу...

Он «открыл глаза», подтвердил местоположение Могильщика в будущем на три секунды и нацелил пушку Анны Марии прямо на него. Пламя исчезло — когда же Оливия вернулся в настоящее, противник оказался в центре прицела.

Повреждение получила передняя правая нога Могильщика, и та теперь была обездвижена. Но даже с учетом потери мобильности его 88-мм башня зафиксировалась на Анне Марии... и еще виднелась открытая кабина. Шин не находился внутри...

...Он сбежал.

Оливия осмотрелся и нашел его позади каменной структуры, которая уже крошилась спустя месяцы тренировочных боев. Он, уперевшись коленом о землю, направил штурмовую винтовку на Анну Марию. Дульная насадка была окрашена в синий — пометка для пустого оружия, предназначенного для тренировочных боев.

Поскольку Оливия в этом сценарии играл роль гипотетического врага, он отыгрывал Легион. И так как эти машины не брали пленных, Шин поступил правильно, когда покинул поврежденный агрегат и не перестал оказывать сопротивление.

Тренировочный бой дошел до момента, когда уже не было особого смысла продолжать его. Или, вернее, попытки повоевать дальше лишь приведут к ненужным травмам. Оливия «закрыв глаза» и готовился объявить решение ситуации.

Но он не успел — Шин выстрелил.

Конечно, его оружие было пустым, а штурмовая винтовка сама по себе неэффективна против большинства машин Легиона. Сенсоры на передней броне Анны Марии поймали лазер, но определили несущественный ущерб.

Но в следующую секунду вспыхнуло предупреждение о том, что в него целится... Могильщик?!

— Чего?!..

Предвидение Оливии не работало, и он не мог отследить будущее. Эта уловка застала его врасплох. Кабина Могильщика хоть и пустовала, но 88-мм танковая башня выпустила лазер распознавания баллистики. Сенсоры на боковой броне Анны Марии зафиксировали «попадание» 88-мм БОПС — бронебойным оперенным подкалиберным снарядом.

На сетчатке Оливии отобразилось оповещение о критическом повреждении агрегата — впервые за его дуэли с Шином.

□

— Немного... Да нет, это очень нечестно с твоей стороны, но...

Нынешнюю площадку для маневров быстро соорудили для следующей миссии, потому она не вышла такой уж большой. Они расположились в палатке для брифинга после того, как освободили площадку и передали ее следующим. На входе Оливия тут же заговорил с Шином.

— Я наконец нашел способ перехитрить твою способность, капитан, — сказал Шин.

— Ты бы погиб, будь это реальным сражением. — Оливия качнул головой и прямо посмотрел на него. — Из-за тренировочного боя ты прекрасно понимал, что я остановлюсь несмотря на то, что ты еще жив...

Шин создавал впечатление безмятежного, отстраненного человека, что сильно отличалось от его мальчишеского, непоколебимого духа.

— Ты, посмотрю, совсем не умеешь проигрывать, а? До сих пор держишь обиду за произошедшее на первом тренировочном бое еще в Альянсе? — спросил Оливия.

— Ты тогда сражался не всерьез, капитан. На тебе была полевая форма, а не бронированный летный костюм... Признаю, мне это не по душе.

— О... Ну, тогда ко мне ни с того ни с сего подошла бабушка и сказала устроить дуэль с фердресом Союза.

Упомянутая Оливией бабушка — это лейтенант Бел Эгис, командующая армией на северных границах Альянса Вальде.

— Впрочем, раз ты отыгрался на мне, может, раскроешь свой трюк? — продолжил Оливия. — Конечно, я не стану настаивать, если не захочешь разглашать до того, как проиграешь мне и умрешь.

Шин пожал плечами с вымученной улыбкой.

— К сожалению, тут дело... в одном из режимов основной батареи. В нем есть триггер для выстрела, срабатывающий на внешний звук. Учитывая, что он воспринимает пистолетный и автоматный выстрелы, предположу, режим предназначен для ситуаций, когда пилот вынужден бросить свой агрегат и положиться на обычное огнестрельное оружие.

— Фердресы Союза правда располагают такого рода функционалом? Не...

Оливия умолк и покачал головой. Режим стрельбы на внешний звук был добавлен, вероятно, чтобы...

— Скорее всего, это только у Регинлейва. Сама установка бесполезна в нормальном бою.

Битва в фердресе представляла собой оглушающую мешанину звуков: рев пушек, взрывы снарядов, вой силовых модулей, пулеметные выстрелы бронетанковой пехоты и крики. Автоматная очередь все еще была подобна раскатам грома в сравнении с человеческим голосом, но на поле боя она легко заглушалась.

Даже в тренировочных боях вроде прошедшего эта особенность принесет пользу только если сойдутся особые условия.

— Режим добавили после схожей ситуации, в которой я оказался... Но прежде мне еще не доводилось его использовать. Ни на тренировках, ни в настоящем бою.

— Да уж, представляю. И все же — ты пошел на сложный в использовании прием просто затем, чтобы совсем на чуть-чуть опередить меня. Ты не любишь проигрывать, понимаешь это?

— Я предположил, что твоя способность по предвидению не работает вне активного состояния, и попытался извлечь из этого выгоду.

Улыбка Оливии внезапно погасла. Он никому за пределами семьи не рассказывал о том, что его способность позволяла заглядывать в будущее только во время активного его использования. Вне круга находились также Шин и остальные «восемьдесят шесть», пусть даже теперь они считались товарищами по эскадрилье.

— ...Почему ты так подумал?

— На тренировках никто не может обойти тебя — я в том числе. Но в свободное время ты подпрыгиваешь, когда Фипи набрасывается на тебя, а однажды едва не столкнулся с Фредерикой в коридоре... Из-за чего я подумал, что ты не всегда видишь будущее, и даже перед непосредственной опасностью.

Оливия без слов поднял руки.

— На это мне нечего сказать, но... туше. — Затем он фыркнул. — Вот бы ты эту самоуверенность и наблюдательность проявил по отношению к полковнику Миризе.

Шин мгновенно напрягся.

— ...Не уверен, к чему ты клонишь.

— О, тогда буду говорить прямо? — произнес Оливия с широкой ухмылкой на лице. — Той ночью ты казался совершенно подавлен.

Шин нервно сглотнул, ругая себя за то, что не увернулся от темы. Той ночью. Тогда он признался Лене в своих чувствах. Она поцеловала его в ответ, а потом по неведомой причине убежала. На тот момент его сильно озадачил этот побег, но затем пришло уныние.

Он думал, Лена разделяла его чувства. Как еще объяснить поцелуй? Но он не был уверен, что не пытается выдать желаемое за действительное. Кроме того, если она чувствует то же самое,

зачем в итоге убежала? Но если наоборот, не разделяет его чувства, зачем тогда поцеловала?..

Мысли ходили по кругу, а подавленность сохранилась до вечера. Конечно, все заметили упавший настрой: Райден, Сео, Вик, Дастин, Марсель... и, естественно, Оливия. Если быть точнее, они отвели парня в бар на территории отеля и принялись восстанавливать его от потрясения.

К слову, после побега Лена пришла к Аннет вся в слезах. Та рассердилась, но в дальнейшем отвела ее в бар. Другие девушки — Анжу, Крена, Шиден, Грета и даже начальник штаба — также пошли с ней. Рито и Фредерика были еще слишком юны для бара, поэтому они через синхронизацию со всеми саркастично раскритиковали Лену.

Другими словами, все знакомые обо всем знали.

На следующий день они оба как-то пришли в себя. Шин понял, что Лена убежала от шока из-за внезапного признания, и решил смиренно ждать ее ответа.

Правда... Хотя он понимал, что Лена занята обязанностями тактического командира, и ныне заканчивается их отпуск... возможно — всего лишь возможно — он расклеился из-за прошедшего месяца, за который вопрос так и остался нерешенным.

Подходящее ли сейчас время начинать хандрить?..

Взглянув на Шина, который даже не подозревал о своей обиде, Оливия скорчил улыбку.

— Мне еще нужно разобраться с тренировкой у 2-й бронетанковой дивизии, поэтому не жди меня на следующей операции. Но ради всего святого, по возвращению сделай с этим что-нибудь.

— Если можно, капитан — заткнись, — выплюнул Шин, прищурившись.

— Ну, не вини меня за это, капитан Ноузен, — произнес Оливия со сдержанной ухмылкой.

□

Тренировочная битва между фердресами проводилась на площадках для маневров. Место наполняли скрежет силовых установок, лязг металлических ног, зарывающихся в почву, и громоподобный рев 88-мм башни.

Иными словами — идеальный уголок, если нужно было обсудить тему не для посторонних ушей.

Райден и остальные оставили Шина — тот на радость и горе полностью ушел в себя — в палатке, а сами собрались в другом месте.

— ...Война может закончиться, — сказала Анжу с поднятой к губам бутылкой воды.

— По правде говоря, никогда не верил, что этот день когда-нибудь да настанет, — произнес Райден.

Окончание Войны с Легионом. Войне действительно может прийти конец, если они раздобудут нужную информацию о тайных штабах. Столкнувшись лицом к лицу с этим фактом, Райдена переполняло потрясение от абсурдности происходящего.

Война застигла его еще ребенком. Она стала частью жизни — как воздух, которым он дышит, и солнце, отпускающее лучи сверху. И этой войне... может просто прийти конец?

— Как мы будем жить, если она таки закончится? — задалась вопросом Анжу бодрым голосом.
— Как думаете, что станется с нами?

— М-м. Кто его знает — нет, правда? — Сео озадаченно склонил голову. — Даже представить не могу. Но знаешь, для Шина хорошо выходит, а? Он говорил, что хочет показать Лене море, вот и покажет.

— Я хочу показать тебе море, — словно прочитала торжественные слова поэмы Крена с закрытыми глазами и нежной улыбкой на губах. — Ага. Надеюсь на это.

Месяц назад Райден в баре услышал от Шина, что он поведал Лене в тот день под фейерверками. Затем эти слова передал Крене, Сео и Анжу.

— ...Точно.

Лена в конце напортачила, конечно, но... с Шином теперь все будет в порядке. Разве что...

— Мне ненавистна эта идея также, как и Шину, — сказал Райден. — Не хочу использовать Фредерику, если на то нет нужды.

Обременить ее плечи судьбой Союза... судьбой человечества. Вцепиться в подвернувшееся чудо с небес... Как теперь им говорить, что сражались до победного конца, если так они собирались окончить войну?

Хотя верно и то, что отказ от отключения машин в пользу попыток стереть Легион грубой силой, однозначно не правильная идея. Это может привести лишь к бесчисленным, неоправданным смертям.

— Да. Нам нельзя позволять Фредерике делать все в одиночку... — прошептала Крена. — Но это не значит, будто мне хочется опять бросаться через вражеские заслоны. Мы же едва тогда выбрались с базы. Хватит уже ходить по лезвию ножа. К черту такую смерть. Но... с ней правда можно закончить войну?

Чудо свалилось им прямо в лапы... В ее голосе прослеживалось сомнение. Что, если это все одна большая хитрость?

— Быть может, мы не найдем те тайные штабы. Возможно, Легион не станет слушать указания Фредерики. А еще это может быть ловушка Зелен, чтобы... э, одурачить Шина. Вот что я пытаюсь донести — кто вообще знает, сработает ли?..

Райден нахмурился. Крена только что вывалила разом все сомнения. Но Шин, Эрнест и верхушка Союза также учитывают их. И то, каким тоном Крена это сказала...

Сео сжал губы и на лице, будто сама собой, возникла кривая улыбка.

— Крена... Ты будто совсем не хочешь окончания войны.

Та отказывалась встречаться с ним взглядом. В этот миг она выглядела беспомощной, словно потерянный ребенок.

— ...Нет, ничего подобного.

□

Лена, вернувшись в тренировочный центр — он располагался ближе к Санкт-Йеддер, нежели к Оружейной базе — спустя месяц, прошла через передние ворота со старомодным чемоданчиком в руке.

В течение последнего месяца Шин и 1-я бронетанковая дивизия ударной группы проходила обучение, а Лена совершенствовалась как тактический командир по учебной программе Союза. Основная база была для нее вроде дома, а потому возвращение казалось ей чем-то особенным, однако сам штаб относился к особому, чрезвычайно секретному отряду.

У ворот она показала свое удостоверение, и те раскрылись. Затем доверила багаж Файду, который, по-видимому, выступал в роли портье, и со страхом начала озираться по сторонам.

Прошел уже месяц с ночного бала в Альянсе... дня, когда Шин признался ей в чувствах под взрывами фейерверков... А она до сих пор не дала ответ. Минуло довольно много времени, но она все еще слишком боялась сказать нужные слова.

Весь путь от Альянса она словно бежала от него, ей никак не удавалось взять себя в руки и прямо взглянуть на него. И если бы на этом все ограничилось, это еще можно было бы с горем пополам принять. Но вскоре после возвращения на базу она оставила его, выбрав обучение. Вероятно, поступок вышел плохим.

Лена достаточно поздно — из-за проблем с налаживанием связи — поняла, что ей придется отбыть на учебу, которая начиналась утром спустя всего два дня с возвращения. У нее выдалось очень мало времени для нормального разговора с Шином, а тренировочный центр располагался слишком далеко от базы, чтобы видеться там с ним.

В результате ее ответ повис в воздухе на целый месяц. Даже ей пришлось признать, что ни один довод не послужит оправданием.

Она услышала, как к ней приблизились шаги по траве — или, вернее, подлеску вырубленного леса.

— С возвращением, Лена.

— Рада видеть тебя в здравии, Ваше Величество.

— Привет, Аннет. Шиден... Э-э.

Аннет вышла в лабораторном халате, а на Шиден был полноценный летный костюм, словно она только с тренировки. Лена нервно осмотрелась... Пришли только они. Шина рядом с ними не было.

Пусть она осмотрелась ради этого... Пусть отчасти вздохнула с облегчением, когда поняла, что не пришлось с ним столкнуться... Но ее все равно встревожил тот факт, что он не пришел повидаться.

— Чем сейчас занимается Шин?..

— Мне все-е-е-е равно, — заявила Аннет, бесстыдно отвернувшись от Лены.

— Аннет?!

— После всех тех приготовлений. После столь продолжительного бегства, будто цыпленок какой-то, Шин наконец признался тебе в чувствах. А ты так и не ответила. Ускакала да спряталась в своей скорлупе. Потому. Мне. Все. Равно, — подчеркнуто произнесла она последние слова и надулась, как ребенок.

— Послушай, мне правда очень жаль. Но прошу, не говори так!..

Аннет, однако, не стала ее слушать, поэтому Лена обратилась за помощью к Шиден.

— Шиден!..

— А знаешь что, я ведь тебе уже говорила. Ты еще тогда должна была прокрасться в номер малыша Бога смерти и наброситься на него. Или можешь проделать то же самое, как вернешься на базу. Вообще-то тут проще будет. У Шина отдельная комната.

— Я т-так не могу!..

— А не слишком импульсивно выйдет? — вмешалась Аннет. — Я хочу сказать, стены здесь, в отличие от отеля, довольно тонкие. Процессоры по соседству не смогут выспаться.

— В бараках восемьдесят шестого сектора стен вообще, считай, не было. Сейчас никто внимания и не обратит.

— Ох... Вот оно как.

Аннет устало опустила плечи.

Затем от нее последовал вполне закономерный вопрос — как если бы она только сообразила. Сейчас никто не обратит внимание?

— Это что, получается...

— М-м?

— ...Забудь.

Если сейчас услышит истину, может оказаться, что она станет одержимой к посторонним звукам на нижних этажах.

— И-итак, я должна пойти к нему в комнату?.. — спросила Лена со страдальческим видом.

— ...Если уж тебе на это хватит смелости, можешь просто ответить на признание.

— И лучше поторопись, если решишься на последнее. У малыша Бога смерти масса дел помимо знакомства с новыми ребятами и регулярных встреч с Зелен. Он в последнее время долго ошибается в объединенном штабе. Там что-то насчет обсуждения с верхушкой армии контроля его способности... Кстати о птичках, зайдешь? В транспорте громковато, конечно, но там как раз можешь ответить ему.

— Н-ну, я, э-э... я еще не совсем готова...

Аннет и Шиден тут же раздраженно вздохнули. Неподалеку послышался «Пи» Файда — возможно, он пытался так ободрить или утешить.

†

Однажды одну страну охватила мысль о расовом превосходстве, что повлекло за собой бесчинства: «восемьдесят шесть» заперли в лагерях для интернированных. Но даже в Республике, где дискриминация одобрялась, находились люди, которые отказывались следовать ошибочным идеалам.

Одни укрывали Колората в своих домах. Другие поселились в восемьдесят шестом секторе. Более того, среди Альб были даже те, кто старался по возможности спасти «восемьдесят шесть». По итогу большую часть спасшихся передали властям, или же те погибли — а большинство из последних встретили конец еще в восемьдесят шестом секторе. К этому также стоит добавить резню граждан Республики в крупномасштабном наступлении.

Воссоединение «восемьдесят шесть» и нескольких Альб, кто укрывал их в свое время, очень редки. И все же...

— Райден!.. Ох-х, как же я рада видеть тебя живым!..

— Привет, бабуля, — поприветствовал Райден пожилую женщину. — А я как рад, что ты жива-здорова.

Интерьер прихожей штаба западного фронта имел излишне строгий дизайн. Старушка вцепилась в Райдена со слезами на глазах в такой мрачной обстановке, и Райден не мог с собой ничего поделать — губы сами сложились в кривую улыбку.

Ее голова оказалась ниже, чем он помнил. Она сделалась еще старше, но осталась все такой же старушкой из воспоминаний. С начала интернирования она не перестала быть учителем в школе, и даже укрывала Райдена и его одноклассников Колората.

Когда армия Союза отправилась помогать Республике, Райден рассказал про нее и попросил найти старушку. Но страна оказалась в состоянии хаоса после практически полного уничтожения, и быстро это сделать у них не вышло. В итоге о ее местоположении узнать получилось только спустя год.

Быть может, армии Союза также требовалось время для восстановления после громадного ущерба, полученного в крупномасштабном наступлении, поэтому в списке приоритетов поиск пропавшего человека поставили намного ниже.

Как бы то ни было, пусть Райден неохотно это признавал, но подобные мысли были скорее побегом от реальности. Ведь всего в нескольких метрах от его сцены воссоединения...

— Шин!.. Ох, хвала небесам, ты жив!..

— П-преподобный... Сломаешь же. Ребра, спину — ты их точно сейчас переломишь...

Беловолосый мужчина в священническом одеянии зажал Шина в крепкое объятие. Тот походил на неуклюжего медведя с подтянутым телом; ряса практически обтягивала выпуклые мышцы. Он обхватил руками Шина в крепком медвежьем объятии. Зрелище, надо сказать, шокировало Райдена, причем из-за него он не мог толком сосредоточиться на ностальгии собственного воссоединения.

Райден предположил, что это тот священник из Альб, который приглядывал за Шином и его братом в лагере для интернированных. Стоило ли говорить, мужчина перед Райденом совсем не вязался с мысленной картинкой худощавого, святого старика — совсем не того, кто выглядел так, будто мог забить Муравья. Например, лопатой.

Райден совсем не желал прерывать их воссоединение. Или точнее, он боялся делать это. Райден, повинувшись инстинктам самосохранения, отвел от них взгляд.

□

— Как же я, блин, рад за старшего лейтенанта Шуга и капитана Ноузена.

— Двое гостей станут частью базы как военный священник и вспомогательный преподаватель соответственно, потому повидаться могут в любое время... Но да, выглядят они счастливыми.

— ...Вы не серьезно же сейчас болтаете тут о всяком в такое-то время?!..

Бэрнольт принялся преувеличенно кивать, Грета смахнула невидимые слезы платком, а Фредерика наблюдала за воссоединением испуганными глазами. Первые проигнорировали реакцию последней и продолжили наблюдать со стороны.

Никто из них не хотел вмешиваться.

— Капитан без должного обучения всегда был хорош в тактиках у «восемьдесят шесть» и знал, как правильно обслуживать пистолеты с автоматами. Из-за чего часто задавался вопросом, а откуда у него такие знания — но судя по тому, что этот священник вылитый охранник, кажется, теперь мне все ясно.

— По-видимому, пожилой священник некогда служил в национальной армии Республики.

Предположительно тот осознал, что насилием можно защитить, но не спасти, и потому отказался от жизни военного и ступил на путь Божий.

— А, ясно.

Бэрнольт утвердительно кивнул, хотя ничего толком и не понял.

□

— ...А это кое-что проясняет насчет Шин-куна.

Анжу поняла, как Шину удавалось в одностороннем порядке избивать Райдена и выносить Дайю, несмотря на их превосходство в телосложении. Она наблюдала за этим потешным... или, вернее, трогательным воссоединением парня со священником.

— В Шин-куне ведь еще течет благородная кровь Империи, потому, полагаю, ему пришлось особенно тяжело в лагере для интернированных. У него не было выбора, кроме как научиться защищать себя...

«Восемьдесят шесть» рано или поздно призывались на службу, и те, кто происходил из аристократических семей Империи Гиаве, подвергались жесткой дискриминации даже среди таких же товарищей «восемьдесят шесть». Такой способ выбрал священник, чтобы выразить любовь — научить Шина бороться.

Шиден встала рядом с Анжу и стала потрясенно смотреть за встречей Шина и священника.

— Да, но учить убивать людей? Что за хрень творится в голове у святоши?.. Если бы мне хоть немного не повезло, малыш Бог смерти взаправду бы убил меня еще в первой нашей драке.

— Но не убил, так что нормально. Хочешь верь, хочешь нет, но он еще легко обошелся с тобой.

— Наверное...

Шиден кивнула.

Анжу искоса взглянула на нее. Шиден и Шин цапались друг с другом как кошка с собакой, но он не собирался выкладываться на полную против женщины. Шиден сама это понимала, и все же не пользовалась своим положением. Анжу подумывала, что это, скорее всего, негласное соглашение. Они не настолько ненавидят друг друга.

— Кроме того, если бы ты все-таки умерла, ему не пришлось бы беспокоиться и ожидать от

тебя нападения. Лучшая форма защиты, не находишь?

— Ты считаешь, в этом проблема? О...

— Ах, еще немного, и Шин точно грохнется без сознания.

Фредерика, обливаясь слезами, поспешила вмешаться вместе с Гретой, которая и посчитала, что пора действовать. Они разняли старого священника и Шина — тот вот-вот должен был потерять сознание.

Шиден удивленно смотрела на сцену, но после внезапно бросила беглый взгляд на Анжу с ее серебристыми, белоснежными глазами.

— А у тебя есть родители, Анжу? В Республике?

— Мой отец может быть еще жив, но...

Анжу затихла, а после пожала плечами. Жест вышел довольно сдержанным, но в нем читалось некое облегчение.

— Мне не особо хочется с ним встретиться... Или, ну, мне без разницы — жив он или мертв. Как-то так.

Она не желала видеть его живым, как и не надеялась на его смерть. И вызвано это не потерей воспоминаний. Она не злилась на этого человека, как и не ненавидела говорить об отце, и это не была деликатная тема, как можно подумать. Просто она воспринимает его как незнакомца.

Что недостает нам, чтобы быть похожим на тебя?

Этот вопрос она задала Дастину еще в Объединенном королевстве. Когда он — как, впрочем, и все остальные — еще не трясся от смертей Сиринов, когда еще не подверг сомнению образ жизни.

Дело не в том, что ей что-то не хватало. Скорее...

Она слабо улыбнулась и пробубнила себе под нос. Это все еще сложно. Но...

— ...Я точно должна надеть платье с открытой спиной. Или бикини.

□

— ...Вот оно как. Ты таки похоронил Рея.

— Да.

В разговоре со священником, который заменял ему родителя, Шин чувствовал, будто снова стал маленьким ребенком. Тот единственный, помимо самого Шина и еще Лены, знал Рея при жизни. И ведал о грехе брата... о котором не знала Лена — и Шин не собирался делиться с ней.

— Я не могу это подтвердить, но... такое чувство, будто он спас меня в тот самый последний миг.

Когда он окончательно пал на территориях Легиона, Динозавр подхватил его и друзей и дошел до патрульных линий Союза, где был уничтожен.

Он, похоже, действительно его спас... после двух смертей. И он умер в третий раз после того, как доставил Шина с товарищами к границам Союза. Причем, скорее всего, он был готов к этому.

— Это... лучшее, на что я мог надеяться услышать. Так... ты наконец простил его.

Этих слов Шин совсем не ожидал, но у него было такое чувство, будто священник прав. Он жаждал прощения, пусть и понимал, что ни в чем не виновен, и хотел разить призрака брата. Но в той же степени ему хотелось... также простить Рея.

— ...Да.

— Хорошо, тогда... Ты правда вырос. И я говорю не только про рост как таковой.

Шин посмотрел на старого священного, что гордо заулыбался.

— Когда я отослал тебя, совсем не верил, что увижу еще хоть когда-нибудь.

Священник ясно помнил тот момент, даже спустя столько лет. Он никогда не забудет. В тот день ребенок, что потерял своих родителей, и которого едва не убил собственный брат, принял решение ступить на поле брани. Тот мальчишка не только позабыл как смеяться — но и даже не помнил, как проливать слезы.

— В то время тебя преследовал... Рей, уже почивший. Мертвые обитают в царстве Аида. Мне тогда казалось, ты считал, что если последуешь за ним, ступишь в ту же бездну.

— ...

Может, священник и прав.

Может, так бы оно и случилось.

Шин никогда не думал над тем, что ждет впереди... Нет, он не желал этого знать. Все, чего он хотел, это разить брата и сломаться вместе с ним, как клинок из холодной стали. Скорее всего, эти же мысли посетили его на том заснеженном поле боя два месяца назад.

— Но с тобой в итоге все в порядке. Ты действительно повзрослел.

— ...Когда это говоришь ты, преподобный, верится с трудом.

Шин рядом с ним вновь почувствовал себя ребенком... Да и сам священник казался таким огромным, что разница в росте у них не изменилась ни на миллиметр.

— Для меня ты всегда будешь дитем... Так что, если у тебя возникнут какие проблемы или просто поговорить захочешь, можешь всегда прийти ко мне. Я военный священник, как-никак.

Священник шутливо повел бровью, на что Шин ответил вымученной улыбкой. Но его слова натолкнули на мысль. Возникнут проблемы, захочешь поговорить... У него действительно возникла одна дилемма. И связана она с Леной.

— ...Тогда слушаешь меня, преподобный?

— Конечно.

Шин умолк, думая над тем, как рассказать о проблеме в двух словах... и наконец решил.

— ...Знаешь, забудь.

Последние события научили его, что нет ничего хорошего, если пытаешься в одиночку решить проблему, с которой разобраться сам никак не можешь. Или, вернее, дурным тоном было обременять остальных. Но в этой ситуации ему казалось неправильным полагаться на других.

— Ну же, что случилось? Дела сердечные, мальчик мой?

— ...Как ты понял?

Священник искренне рассмеялся.

— Если что и будет беспокоить подростка, так это только одно... Но Боже милостивый... твой образ мышления наконец под стать парнишке твоего возраста... Меня это успокаивает.

□

От Союза он услышал, что они нашли семью того человека.

Когда его сопроводили в другую комнату, Сео понял, что это воссоединение не было похоже на таковое у Шина и Райдена, где он мог бы позволить себе зрителей. Также вполне понимал, почему его предостерегли, что не одобряют встречу, если он сам ее не захочет.

Но Сео все равно оказался поражен, когда зашел в комнату.

— ...Они сказали, ты знал моего папу.

Презренный житель Республики — Альба. Мальчик, которому на вид одиннадцать или двенадцать лет.

Капитан первой эскадрильи Сео, куда его назначили в восемьдесят шестом секторе. Мужчина, что остался и погиб, дав подчиненным сбежать. Гражданин Республики — Альба, — который переселился в восемьдесят шестой сектор из собственных убеждений о том, как неправильно высылать на бойню одних «восемьдесят шесть».

Сео попросил солдат Союза поискать его семью. Он думал поступить правильно и рассказать им, что капитан сражался до самого конца. Но...

Губы Сео слегка дрогнули. У мужчины остались жена... и ребенок. Человек, с кем он решил разделить жизнь, и сын, которому хотел верить будущее. Сео даже представить себе не мог, что капитан оставил всех их ради восемьдесят шестого сектора.

— Где твоя мать? — как-то удалось ему спросить.

— Крупномасштабное наступление... — последовал кроткий, туманный ответ мальчика.

— ...Понятно.

Малец опустил голову, приковав взгляд к цветочному узору на ковре.

— Она всегда говорила, что папа умер за правое дело. Что я должен гордиться им... Но дедуля и старушки по соседству, все мои друзья и их матери... Они все как один твердили, что папа поступал неправильно.

Для ребенка в этом возрасте это приравнивалось к словам всего мира.

— Они говорили, этот глупец отбросил все: родину, гордость жителя Республики, свою семью — и все ради «восемьдесят шесть». И что в результате он умер. Каждый... называл папу глупцом.

Снежно-серебристые глаза с отчаянием посмотрели на него. Тот же цвет глаз, что и у презренных белых свиней Республики. Те же глаза капитана... Сердце Сео сжалось от боли при виде этого взгляда. Словно из-за старой раны.

— Но папа ведь не был глупцом? Он поступал правильно. «Восемьдесят шесть» отличаются от нас цветом кожи и глаз, но они все также люди. Значит, папа помогал остальным людям... и это не поступок глупца, да?

— ...Еще бы он им был, — выплюнул Сео.

Он не пытался оттолкнуть мальчика — просто сказал голосом, полным негодования. Никто из них не знал. Никто не догадывался, каким сильным и жизнерадостным человеком он был. Они не слышали последние слова бывшего владельца персональной метки Сео. Только потому, что никто и ничего из этого не знал, они и могли так отзываться об отце мальчика.

Парнишке было всего одиннадцать — самое большее двенадцать. Новорожденный на момент начала войны одиннадцать лет назад. Он не мог помнить лицо отца. И это не как в случае Сео, когда лица родителей забылись. Мальчику просто-напросто не хватило времени узнать капитана.

— Он сражался с Легионом вместе с нами и погиб, пытаясь спасти нас. Никто не вправе измываться над ним. Мать твоя права, капитан был правильным...

Но тут Сео затих. Капитан был... правильным человеком? Он жил правильно? Умер... тоже правильно? Он ушел от семьи на поле боя, зная, что уже не повидается с сыном. И затем умер — оставив после себя ребенка, который никогда не узнает, как тот боролся до конца и погиб.

Это точно можно назвать правильным? Подобная праведность будет вознаграждена?

Он отбросил счастье нынешнее и отказался от любых перспектив на радостное будущее. А в обмен получил только смерть. «Восемьдесят шесть», включая Сео, отвергли его — никто не станет восхвалять о нем.

Разве это не глупо, вот так умереть?

Прошу. Ни за что меня не прощай.

Поэтому-то в самом конце пути он оставил эти слова.

— ...Кто бы... и что бы тебе не говорил, верь в своего отца.

Но пусть Сео так завещал, где-то на задворках сознания холодный шепот бранил его за лицемерие.

□

Шин, Райден, Анжу и остальные пошли приветствовать нового военного священника и учителя. Однако те прибыли из Республики, и потому Крена осталась на основной базе. Встреча с ними вызывала у нее смешанные чувства.

Она знала, среди Альб есть хорошие люди — тому пример священник, что взрастил Шина, и старушка, укрывшая Райдена. И еще Лена, Аннет и Дастин. Крена пообещала себе никогда не забыть того офицера из Альб, кто хотя бы попытался спасти ее родителей. Однако тогда она была слишком юной и не запомнила его имени, поэтому не могла попросить у Союза разыскать этого человека.

Военный священник и учитель наверняка не ужасные люди. Но она все еще страшилась первой встречи с ними. Она боялась... Да, боялась. Страх не отступал до сих пор. Существовал всего один человек, кому члены Острия копья могли довериться — и это Шин. Не будь его, и они бы ни за что не сплотились.

Крена обхватила руками колени, уткнувшись в них лицом. В конце концов, доверие всегда приводит к одному. Родители, которых пристрелили солдаты забавы ради. Старшая сестра, так и не вернувшаяся с поля боя. В начале она действительно бродила одна, выброшенная на смертельное поле брани восемьдесят шестого сектора.

Это случится вновь.

Альбы, люди и мир сам по себе... слишком беспощадны.

Они без задних мыслей снова предадут ее.

Потому она не может никому довериться.

Не станет доверять.

Ведь никакого будущего нет.

Как и мечтаний, за которые можно было бы зацепиться.

Желать яркого будущего сродни бессмысленной и банальной затее, как надеяться на хороший сон этой ночью. Будь это возможным, она не прочь дожидаться завтрашнего дня. Но даже если завтра не наступит... это по-своему нормально. Так она считала.

— Этой войне...

Вероятно, нет конца...

□

Глубоко под основной базой ударной группы и неподалеку от объединенного штаба располагалась секретная лаборатория, созданная для удержания Зелен. Место, впрочем, также было сооружено для Шина, постоянно подверженного стенаниям Легиона.

Завершив все дела в объединенном штабе, Шин ночью посетил Зелен, когда столкнулся кое с чем неожиданным, как для машины Легиона.

Хохот.

— ...Продолжишь, и я действительно выйду из себя, Зелен.

<<Н-нет, то есть, мне неудобно смеяться, но... Ах-ха-ха-ха!>>

Зелен поместили в герметичный, экранированный контейнер, полностью лишив функционала за исключением возможности говорить. Единственным способом взаимодействия с ней оставили через камеры низкой чувствительности, микрофоны и динамики, что проводами соединялись с внутренней частью контейнера...

...Разве что всю эту установку поместили в еще одну коробку, на лицевой стороне которой вывели лицо перманентным маркером. Он словно разговаривал со странной куклой.

— Думаю, вернусь к себе.

<<Ах, постой, постой. Мне жаль. Я поступаю неправильно, давай немного поговорим... Хе-хе.>>

Из динамиков вновь раздался электронный хохот. Разозлившись на поведение Зелен, Шин резко бросил взгляд на виновника сей парадоксальной ситуации. Та никак не могла прознать о напряженных отношениях между ним и Леной. Если только ей никто не рассказал. На

последнее был способен лишь один человек.

— Ты еще заплатишь, Вик.

— Если считаешь, что сможешь заставить — с радостью посмотрю, как ты этого будешь добиваться, — насмешливо бросил он.

<<Вернемся к нашей проблеме...>>

В голосе Зелен все также слышался сдерживаемый смех.

— ...Нет, думаю, мы закончили.

<<Брось, не обижайся. У нас еще есть, что обсудить... Ты ведь за этим пришел ко мне, не так ли?>>

Теперь в ее голосе содержалась холодная сталь, словно где-то в закоулках механического разума щелкнул переключатель.

<<Ты пришел спросить о крупномасштабном наступлении.>>

□

В союзе к «восемьдесят шесть» обращались как к специальным офицерам — те получали высшее образование во время службы, а не как это происходило с обычными офицерами еще до нее. Поскольку детство они провели в лагерях для интернированных, естественно, ни о каких школах речи не шло, и потому им серьезно не хватало знаний, которыми владела большая часть специальных курсантов их возрастов.

Им предоставляли школьные учебные периоды, и они шли как отпуска на службе. Но и вне этих отгулов от них ждали посещение лекций и самообучения — причем даже между операциями. По этой причине учебную комнату построили на Оружейной базе.

Лена остановилась, как раз проходя мимо такой комнаты, полной народу. Не так давно здесь обучались только капитаны каждой эскадрильи и их вице-капитаны. Должность капитана подразумевала полномочия, которых был лишен ротный офицер, и обязанности, с которыми он же справиться не мог. Таким образом, от капитанов и вице-капитанов требовалось как можно быстрее закончить обучение по программе подготовки специальных офицеров и перейти к следующему учебному плану.

Естественно, им приходилось делать больше домашних заданий, чем остальным процессорам, а без самостоятельного изучения материала между операциями они ни за что не смогли бы

поспевать за программой. Лена думала, именно поэтому встретит в этой комнате лишь небольшую группу. Но на ее удивление, за столами сидело довольно много процессоров, и все они внимали лекцию нового учителя.

Соотношение процессоров к не процессорам велико, особенно учитывая практически конец обеденного перерыва. Из столовой явно вернулись еще не все, и все же за столами сидело много процессоров.

— Если за Шином пришла, он еще не вернулся с объединенного штаба, куда пошел после встречи со священником.

Она услышала отстукивающие по полу тяжелые ботинки, и обернулась — к ней подошел Райден.

— Правда?... А, э-э, я на самом деле не искала Шина. — Лена встряхнула головой, смущенная мыслью, что он наполовину разгадал ее намерения. — Я просто подумала, как много людей пришли на лекцию...

— А-а. — Райден буднично кивнул. Он никак не показал, что его озаботила странная реакция Лены. — Оно так с тех пор, как мы вернулись с отпуска... Большинство невзлюбили это место.

Райден обвел взглядом учебную комнату с более чем половиной занятых парт. Галстук на нем в обычное время распушен, но сейчас грамотно завязан у воротника. В руке он удерживал информационный терминал, который заменял как тетради, так и учебник.

— Они говорят, будто здесь им твердят перестать быть «восемьдесят шесть».

— ...

На базе основались учителя, а полки в учебной комнате были набиты методическими материалами. Преподаватели проводили консультации по трудоустройству и обеспечивали пособиями, предоставленными высшими учебными учреждениями Союза, а также организовывали профессиональное обучение и профориентацию, направленные на детей и учащихся.

Другими словами, учебная комната словно пыталась выгнать их из мира с одним только полем боя.

Безусловно, никто из учителей или военных офицеров Союза, построившие это помещение, не говорили в этом духе. Их желанием было лишь продемонстрировать «восемьдесят шесть» будущее после войны и открывающиеся возможности... Но они прибыли сюда недавно — «восемьдесят шесть» еще слишком рано слышать о подобных желаниях.

Тем не менее среди них появляются — постепенно, один за другим — те, кто пытается-таки внять этим идеям. От этого Лена чувствовала облегчение.

— Ты тоже в класс направляешься, Райден?

— Похоже на то. Пришла пора нам подумать о том, что будет после окончания войны... И, кроме того, слышала про нового учителя?

— Да, — сказала Лена, и с нежной улыбкой на лице продолжила: — Слышала, она была твоим бывшим учителем.

Это как раз объясняло завязанный галстук и воротник. Он пытался показать себя с аккуратной и прилежной стороны.

— Она узнала, что я пропускал занятия по нескольким предметам, потому вот в качестве выговора хожу на дополнительные занятия. До сих пор не понимает, когда надо остановиться, эта карга старая...

Он вздохнул, и губы его слегка скривились. Учитель, по-видимому, услышала его и обернулась — на что Райден неловко потупил взгляд, словно нашкодивший ребенок, который запустил руку в банку с вареньем.

— ...Почему бы тебе не присоединиться к занятиям, Лена? Сео и Крена ходят не так часто, факультативные курсы Анжу проходят в другие дни, а Шина сегодня нет. Понимаешь, я... мне бы не хотелось разбираться с этой ведьмой в одиночку...

Лена разразилась смехом от того, как по-детски он это произнес, хотя сам явно перерос старушку. Она заметила, как тот в ответ нахмурился, и спросила его с улыбкой на лице:

— Райден... чем бы ты хотел заняться в своей жизни? Я имею в виду, после войны.

Два года назад еще в восемьдесят шестом секторе она задала тот же вопрос Шину. В те дни они разговаривали через парарейд и знали друг о друге лишь как звучали голоса... Тогда еще Лена не была в курсе, что «восемьдесят шесть» будущее не уготовано.

Она спросила Райдена о нынешних чувствах. Был ли он счастлив: что выжил, что ему не придется умирать... что может определять свое будущее.

На миг Райден умолк. Не потому, что не хочет отвечать на вопрос или не может... Скорее, он обратился к приятному воспоминанию.

— ...Знаешь, когда ты спросила Шина об этом же два года назад...

Не могу сказать, что раздумывал над ответом с тех пор.

— ...он тогда особо ни о чем не желал. И не из-за скорой неминуемой смерти. Его преследовал призрак погибшего брата. В жизни его был один только смысл, похоронить брата.

— ...

— Понимаешь, что значат слова Шина о том, как он хочет показать тебе море — что значит его желание? Это вроде чуда, Лена. Ему немало смелости понадобилось, чтобы сказать это. И честно говоря, я искренне хочу, чтобы и ты этим воспользовалась наконец.

Лена стояла, как громом пораженная. С чего это? Она хотела сорваться с места. Если бы могла, тут выкопать под собой дыру и закопать себя в ней.

— Откуда ты знаешь?..

Он взглянул на нее, будто на самое невыносимое, что есть в этом мире.

— Черт знает, как мне донести это до тебя, Лена, но... Все уже обо всем знают.

□

— Военные Союза обнаружили описываемое ружье. Они считают, это знак скорого второго крупномасштабного наступления.

Если раскрыть общественности информацию по сигналу отключения Легиона, Союз... само человечество в худшем случае распадется. Потому Вик и Шин решили сохранить тайну, и попросили Зелен рассказать то, что поведать остальным можно. Она предоставила им данные по второму крупномасштабному наступлению Легиона.

<<Ну еще бы. Поскольку им запрещено использовать авиационное оружие, Верховные главнокомандующие разработали ему замену. Они не могут обойти запрет, а потому ввели его вместо воздушной бомбардировки. Я предполагала, что реконструкция уже на стадии реализации. Это вполне входило в мои расчеты.>>

Шин удивленно моргнул. Зелен сама принадлежала к Верховным главнокомандующим. Он считал, она знает о планах.

— Эта информация была не точной? Ты лишь рассчитывала, что они поступят именно так?

<<Исследования и разработка находятся под юрисдикцией моего центрального процессора, но

вопросы конфиденциальности — нет. Поэтому мне не были известны детали... э-э... исследований, в основу которых легли собранные в Республике пробы головного мозга.>>

— Гончих? — предложил Вик.

Судя по всему, машины Легиона вроде Зелен испытывали трудности с названиями. Довольно странно было видеть, как Вик рассудительно кивнул в ответ. И не то чтобы к этому моменту странность Вика поражала.

<<И Высокоманевренный... Нет, Феникс. Надо признать, ваш способ именования завораживает.>>

— Постой. — Вик нахмурился. — Та машина разработана под твоей юрисдикцией? Как часть исследования центрального процессора?

<<Да. Так мне удалось оставить внутри сообщение.>>

— ?..

Вик с подозрением обдумывал ее слова. Шин понял, что тот не собирается задавать еще вопрос, и заговорил вновь:

— В этот раз они увеличили свои ряды? Мы пока еще не получили отчеты.

Для подтверждения подлинности информации Зелен насчет второго крупномасштабного наступления каждая страна с удвоенной силой принялась собирать данные по силам Легиона, с которыми они сталкиваются в данный момент. Союз неоднократно просил Шина подсобить в разведке, но значительное увеличение численности машин так и не было замечено.

Он предположил, что проблема может быть в расстоянии, но история совсем другая, если ни одна из стран не обнаружила следов подкрепления на фронтах.

<<Нет. Несмотря на превосходящую во много раз численность, Легион не достиг цели в последнем крупномасштабном наступлении. В результате было принято решение на второе массированное наступление усилить военный потенциал путем усовершенствования машин и увеличения их эффективности.>>

Например, оптический камуфляж поденков и их контроль над погодой. Или замена черных овец — ударная сила — на более эффективных гончих.

<<Но в отличие от стран с их скудными ресурсами, Легион не пытается компенсировать малую численность качеством. Как бы печально это не звучало. Первое крупномасштабное

наступление — не просто провал Легиона на поле боя... К слову...>>

Теперь Зелен казалась более сдержанной.

<<...как я и предполагала. Ты знаешь численность и местоположение Легиона, но не на значительном расстоянии, не так ли?>>

Шин удивленно поднял голову. Насколько бы Зелен не казалась сговорчивой, она по-прежнему относится к Легиону. Он не мог позволить ей завладеть большей, чем на то необходимо, информацией. Он стоял лицом к камере, микрофону и динамикам. Всего лишь средство коммуникации, которое не давало ей свободу.

Вик в разговоре с ней упомянул Лену, но имени ее так и не назвал. И конечно, никто из них не давал таких деталей по способности Шина.

<<Легион в курсе о твоём существовании, особый враждебный элемент — Балеиг. Балеиг владеет непонятным средством высокоточной разведки широкого круга, хотя и не различает разные типы. Ещё он, видимо, неспособен выявлять машины в режиме сна... Такими предположениями владеет Легион. В конце концов, ты не распознал мою ловушку в битве на базе Цитадель Ревич.>>

В первой операции на горе Драконий клык Шин действительно не понял, что в какой-то момент передовые войска Легиона поменялись с тяжёлобронированными Динозаврами, которые вышли уничтожить приманку. Как сказала Зелен, Шин слышал численность и местоположение Легиона, но определить конкретный тип машин уже не мог. Своего рода изъян в способности.

— Больно это признавать, но мы не распознали твою ловушку из-за моего промаха, — сказал Вик. — Только не говори мне, что Легион поменял тактики из осторожности к способности Ноузена?

<<Это не единственная причина смены тактик, но я не стану опровергать сей фактор. Крупномасштабное наступление планировалось годами — и все же вы его предвидели, подготовили контратаку и успешно продержались. Командующие машины Легиона дали тебе оценку намного выше, чем вы представляете. Если это будет возможно, они не прочь ассимилировать тебя, но желание уничтожить стоит превыше этого.>>

И поэтому...

<<Что касается предстоящей операции эскадрильи... Не стану спрашивать, куда вы собираетесь. Но каким бы это место не оказалось, будьте осторожны.>>

— Прежде всего, давно не виделись, Ноузен. Полковник Миризе.

При подготовке к следующей операции 1-я бронетанковая дивизия собралась в конференц-зале на Оружейной базе. Присутствовали командиры отрядов и их вице-командиры; Лена, командующая операциями, и ее штабные офицеры; а также Вик в качестве сопровождения и его офицеры штаба.

Вместе с ними принял участие лишь один парень из 2-й бронетанковой дивизии — тот с улыбкой на лице сидел в углу эллиптического стола. Старший лейтенант Сири Шион. Пока 1-я бронетанковая ушла в отпуск, две другие дивизии приступили к операциям. Одна из них — 2-я бронетанковая, где он выступал в роли главнокомандующего всеми взводами.

Во время крупномасштабного наступления год назад он служил капитаном в отряде Лезвие бритвы, первом оборонительном отряде южного фронта Республики. После прорыва Гран-Мюр они не встали под командование Лены, а сформировали свою оборонительную позицию. Сири Шион был лидером этой группы «восемьдесят шесть».

— Я бы сказал, с Объединенного королевства? Месяц с копейками... — сказал Шин, склонив голову. — Мне казалось, у 2-й бронетанковой дивизии сейчас учебный период.

Сири пожал плечами. На нем школьная форма с воротничком. Ростом он немногим выше Райдена, густые волосы золотистого, как и глаза, цвета.

— Я пришел сюда именно на инструктаж. Канан и 3-я бронетанковая погнали на операцию, а мы получается, единственные на базе, кто сражался в районе, куда вас направят следом — Страны флота Цареубийцы.

Страны флота Цареубийцы. Они расположились к востоку от Объединенного королевства и к северу от Союза. Это группа небольших стран на малой территории между горными и холмистыми регионами, что охватывали границы двух стран.

Когда разразилась война с Легионом, они вторглись на холмистые регионы к востоку и вынудили одну из их стран стать оборонительной крепостью. И хотя они храбро удерживали в узде Легион, после всего сказанного и сделанного это не более чем кучка небольших стран.

В прошлогоднем массированном наступлении они наконец исчерпали свои возможности. Когда Союз успешно установил с ними связь впервые за десять лет, Страны флота немедленно послали запрос о подмоге. Это произошло четыре месяца назад.

На запрос отправили группу Сири, которая развернула три операции по уничтожению трех форпостов Легиона. После развертывания они обнаружили две производственные базы Легиона и успешно их завоевали. К концу периода развертывания была обнаружена третья база.

Они попытались также захватить ее, но... В двух словах, прорваться не вышло, поэтому решили отступить.

— Ваша 1-я бронетанковая дивизия отправится атаковать ту третью базу... Полагаю, вы уже слышали предысторию насчет нашего отступления, но лучше показать, чем объяснять на словах.

На голографическом экране включилась оптическая запись. Изображение практически полностью заполняли всевозможные оттенки синего: обширная область трясущейся воды — похоже было на озеро, — освещаемое ярким солнцем и обдуваемое сильными ветрами. За огромными волнами над водной гладью возвышалась подобно крепости массивная металлическая конструкция.

Следующая их цель располагалась на воде. Морское сражение, с которым Шин не сталкивался ни разу за семь лет боевого опыта. Но в данный момент сложность его казалась тривиальной.

Масштаб увеличился, и в изображении появилась верхушка морской базы. Черная броня, что необычно для Легиона, чьи машины выкрашены в стальной цвет. Сияющий синим оптический сенсор напоминал блуждающий огонек. Пара теплоотводящих крыльев, будто сотканые из серебристых нитей, зияли на фоне лазурного неба, какого не видать в Союзе.

И самое незабываемое — ствол из пары копий, похожих на обнаженные против небес клыки.

Сощурив кроваво-красные глаза, Шин выплюнул лишь два слова. Зелен и Эрнест предупреждали, но вот он встречается с ним во второй раз. С врагом, с которым он бы никогда больше не хотел бы сразиться.

— ...Рельсовая пушка.

800-мм башня способна выпустить снаряд на расстояние четыреста километров с начальной скоростью восемь тысяч метров в секунду. Массивная рельсовая пушка весила свыше тысячи тонн, при том передвигалась на высоких скоростях. Одна единственная машина, что единолично поставила под угрозу выживание Союза, Объединенного королевства, Альянса и Республики.

□

Морфо.

□

На конференц-зал опустилась оглушающая тишина. Среди присутствующих лишь Шин столкнулся с Морфо в прямом противостоянии, но те «восемьдесят шесть», что на то время

находились в Республике, также знали о грозном противнике. Как знал и Вик, командующий армией Объединенного королевства.

Всего за каких-то два дня этой штуковине удалось в одностороннем порядке разгромить четыре полка, в общей сложности двадцать тысяч солдат на их базе. А одной ночи хватило, чтобы повергнуть стену Гран-Мюр. Морфо — козырная карта Легиона в крупномасштабном наступлении.

Союзу, Объединенному королевству и Альянсу пришлось объединить усилия, чтобы уничтожить эту машину, прорываясь через вражеский заслон с тактикой все или ничего. Огромный ущерб заставил три страны пересмотреть свою политику: Союз решил действовать более осторожно, а Объединенное королевство прекратили продвижение. По той же причине создавалась ударная группа для нападений по определенным позициям.

Одна единственная машина вынудила три страны полностью поменять стратегию.

— Страны флота обосновали базу Мираж-Шпиль. Она расположена в трехстах километрах от района бывшей Страны флота Клео, ныне подконтрольной Легиону. Патрульному кораблю удалось подтвердить местоположение Морфо, и затем его мигом потопили. Значит, они знают, что мы их обнаружили... С тех пор оттуда ежедневно ведется обстрел по территориальным водам Стран флота и базам в радиусе поражения.

Холмистая местность Стран флота едва возвышалась над уровнем моря, и вода свободно текла по ней. Большая часть территорий представляли собой болотные угодья, совсем непригодные для мобилизации тяжеловесных фердресов.

Они защищали свои земли многоуровневыми оборонительными укреплениями, попутно построив на небольших островках артиллерийские формирования и поддерживая строй боевых кораблей.

Что касается самой организации, Страны флота владели крайне мощным флотом. Их корабли под прикрытием артиллерии — дальнобойные установки залпового огня весом свыше тысячи килограммов — ошивались возле побережья.

Безжалостная бомбардировка пусковыми установками на борту по флангу Легиона уверенно сдерживает их натиск. Так Флотилия Сирот сражалась с машинами последние десять лет...

К северу и югу земли сужались, и там по большей части преобладала болотистая местность. Довольно тяжело в таких условиях бороться с Легионом, потому им пришлось обратиться к подобной помпезной тактике. Флот и артиллерия являлись сердцем обороны Стран флота, держащимся на плаву эти десять лет.

— За последний месяц уничтожили их морское артиллерийское формирование. Множество судов, что пересекали подконтрольные Легионом воды, были потоплены, и это вылилось в

огромные потери. Самое худшее здесь — тот факт, что практически половина их территории первой линии обороны попадает в зону досягаемости рельсовой пушки. Вскоре после нашего отступления Страны флота бросили первую оборонительную линию. Им пришлось отступить ко второй линии и резервам. У них не так много земель как таковых, так что, по сути, они удерживают последнюю линию обороны.

— И когда Флотилия Сирот падет, на нас поперет второе массированное наступление, — безразлично заметил Вик. — А поскольку Морфо обосновался в трясине, где не пройдут ни фердресы, ни тяжеловесный Легион, Объединенное королевство и Союз не смогут его остановить.

Территории Стран флота прилегали к Объединенному королевству и Союзу: с востока и севера соответственно. Они буквально соседствовали. Четырехсоткилометровой дальности пушки Морфо вполне достаточно, чтобы зацепить национальные границы, а вместе с ними восточный и северный фронты и некоторые города.

Рито опустил взгляд.

— ...Думаете, Союз опять нас пошлет, потому что они якобы в опасности?..

Сири вздохнул и приоткрыл рот. Во время крупномасштабного наступления, когда Сири отказался повиноваться Республике, под его командование встал Рито. В итоге они хорошо знали друг друга.

— Рито, когда ты уже научишься думать, прежде чем говорить? Ты же не хочешь, чтобы тебя вся команда неженкой называла?

— Хватит, Сири!

— Кстати, я вроде припоминаю, как ты по ошибке назвал меня и капитана Ноузена «мамулей»?

— Я сказал, хватит!

— ...Шيون, оставь Рито. Мы посреди инструктажа.

Шин резко прервал их обмен любезностями, на что Сири лишь пожал плечами.

— Я, кажется, уже говорил об этом еще в Объединенном королевстве, но можно просто Сири, Ноузен. Ненавижу свою фамилию. Навевает не самые приятные воспоминания.

Он скривил губы в подобие горестной улыбки.

— У меня как-то была сестра. Она погибла в бою. Конечно, они не дали мне похоронить ее, так что вместо могилы я перенял ее манеру речи.

— Чтобы вы знали, вся эта история с его сестрой фальшивка, — сказал Рито.

— Да брось ты! — упрекнул Сири. — Дал бы мне подольше поддразнить их!

Услышав историю Сири, взгляд Лены сделался понимающим, но когда узнала, что она выдуманная, глаза застыли в неверии. Сири, тем временем, с презрением уставился на Рито.

— Черт... Знаете же, каково в восемьдесят шестом секторе, все вели себя как свора собак? Как там решались выбор капитана или спора какого с помощью кулаков? Так вот, ненавижу это, — горько выплюнул Сири.

Ростом он выше Райдена, ноги и руки длинные, словно хлысты. Выглядел чуть ли не сильнейшим среди остальных, но его слова отвергали варварские обычаи.

— Мы не собаки. Мы люди. А потому не должны забываться и из прихоти бить других людей. Таково мое мнение, но тело мое больно уж способствует дракам... и вот я решил говорить спокойней и избегать боев. После пяти лет подобной практики я и привык к такой манере. — Он небрежно махнул рукой, затем продолжил, — В любом случае... Простите, что приходится разгребать наш беспорядок. Ни мы, ни Флотилия Сирот не сможем ничего противопоставить дальнбойной пушке, способной выстрелить на расстояние в четыреста километров, без плана.

— Поэтому Флотилия Сирот не стала призывать Союз передислоцировать ударную группу, хоть и были вынуждены в прошлом месяце отступить к последней линии обороны. Им также нужно подготовиться. Выжидают правильной возможности.

Дальнейшее обсуждение у Сири перехватила молодая офицерша в темно-фиолетовой униформе. Она числилась лейтенантом у Вика, вместо которого была задействована во Флотилии Сирот — вела за собой Алконостов, следуя за 2-й и 3-й бронетанковыми дивизиями ударной группы.

— Другими словами, они готовятся пересечь четырехсоткилометровую область поражения Морфо. Вот, прошу, взгляните на это.

Встав на ноги одним отработанным движением, она махнула рукой, тем самым открыв голографическое окно. Сири буднично заговорил с ней:

— Вперед, майор Зайша.

Зайша резко перевела на того взгляд, словно заведенная кукла.

— !.. Сколько раз мне просить вас перестать звать меня маленьким зайчиком?!

По какой бы то ни было причине в уголках глаз проявились слезы. К слову, Зайша лишь слегка превосходила Фредерику в плане роста, и еще она была очень худощава. На ее красновато-бурых волосах заплетена коса, а за круглыми очками скрывалась пара фиолетовых глаз. В ней отчетливо проявлялись цвета чистокровных Аметистов, но от нее исходила непомерная робость, практически полностью противоречащая ценностям Объединенного королевства, где аристократы обязательно призывались на службу в армию.

— Но все в Объединенном королевстве называют тебя Зайшей...

— Н-называют, но это потому, что Его Высочество...

— Твои имя и фамилия слишком длинные и громоздкие, чтобы каждый раз их произносить, особенно для иностранцев, — небрежно сказал Вик. — Тебе придется с этим смириться.

— Да, но я буду настаивать на том, чтобы меня называли Ройшей!.. Пожалуйста, это ко всем относится!

Зайша отчаянно оглядела конференц-зал, и все, в том числе Шин и Лена, неловко потупили взгляд. Как и сказал Вик, ее настоящее имя слишком громоздкое — его трудно произнести Лене, «восемьдесят шесть» и штабным офицерам Союза в том числе. И потом решили дать ей такое короткое, простое прозвище, которое не должно стать проявлением невежливости.

Вик пожал плечами, призвав ее продолжить главную тему.

— ...Как пожелаете. Я объясню ситуацию.

Она переключила изображение на голографическом экране, теперь на нем показывались прибрежные районы Стран флотилии и море к северу. Посреди водной поверхности мигала красная точка, обозначающая Мираж-Шпиль, а вокруг...

— Как объяснил старший лейтенант Сири, база Мираж-Шпиль, по сути, крепость, построенная на водной глади в трёхстах километрах от побережья подконтрольных Легиону территорий. Флотилия Сирот сохранила контроль над морем после начала войны, поэтому предположительно Легион воспользовался гаванями других павших прибрежных стран, которые не являются частью Флотилии Сирот.

На сегодняшний день Союз подтвердил ситуацию малых стран в совсем небольшом радиусе, охватив северо-центральные регионы континента до запада и юга. Не удалось наладить связь с восточными странами, поскольку их разделяли каменистая пустыня и стена поденков — самой толстой среди всех наблюдаемых мест на континенте.

— Еще до войны Флотилия Сирот планировала разработку одной подводной рудной жилы. Мираж-Шпиль построили прямо над ней. Есть еще подводный вулкан, который они также хотели использовать как источник геотермальной энергии, его занял Легион, вероятно, для производственных целей. И... — Она нахмурила красивые, изогнутые брови за очками, — ...как уже было объяснено, и как вы сами можете заметить... вокруг базы ничего нет. Ни природных образований, ни рукотворных конструкций, которые бы стояли над уровнем моря.

Они изучили карту — в радиусе нескольких километров от Мираж-Шпиль находилось довольно мало отдельных островков. Единственное, к чему база могла дотянуться, это подводные жила и вулкан. То есть ничего иного в этой области там не было. Значит, даже если они приблизятся к базе под обстрелом дальнобойной пушки с дальностью выстрела четыреста километров, им негде спрятаться.

— Потому Флотилия Сирот ждет шторм. И из-за этого они не начали наступление, хоть им и приходится целый месяц цепляться за остатки обороны. В этом году, а именно в конце лета, с севера придут сильные шторма. Они надеются прорваться через бомбардировку Морфо под прикрытием одного из таких.

В открытом море нет ни укрытий, ни преград — они ждут больших волн, дождя и ветра, которые, как они надеются, скроют их от обнаружения на достаточное время. Только проще сказать...

Лена задумчиво склонила голову и спросила:

— Но если мы собираемся прорываться через шторм...

— Обычный корабль не справится, нет. Волны будут большими, сильными, особенно вдали от побережья. Даже на истребителе-то никто не даст гарантий, что удастся пролететь и вернуться в целости. Как я ранее сказала, они ждут возможности и готовятся: первое относится к шторму, а последнее к тому, что им понадобится, чтобы пересечь его. Другими словами, если обычный корабль сделать это неспособен, значит нужен другой, экстраординарный линкор.

Изображение на голографическом экране вновь поменялось. Теперь на нем показывался силуэт авианосца, причем по виду совсем не подходившего под описание линкора. Так называемая островная надстройка была смещена к борту, но не выставлена в средней части корабля. Также имелась горизонтальная полетная палуба с длинной полосой и катапультной.

Две сдвоенные 40-см орудийные установки устанавливались немного дальше, чем обычно, от полетной палубы, чтобы не мешать летательным аппаратам при взлете. На самой верхушке мостика было установлено носовое изваяние в виде женщины. Оно отражало бледные лучи солнца.

— Суперавианосец. В этой операции ударная группа будет переправлена на гордости Флотилии Сирот — линкоре для охоты на левиафанов.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1547266>